

ЕЛЕНА КРЮКОВА

СОТВОРЕНИЕ МИФА

Светлана Чураева. Шурале. — Уфа: Китап, 2020.

Роман Светланы Чураевой “Шурале” читатели ждали долго, и выходил он долго, частями, словно дразня. Теперь как младенец: его родили, и он — живёт. Что за роман? И роман ли?

Все привыкли относить литературное произведение к какому-либо жанру. Попытаемся определить. Фантастика? Исповедь? Театр абсурда? Чураева ныряет в пучины философии, чтобы внезапно вынырнуть оттуда под слепящее жестокое солнце беспощадного реализма. Эта вещь не локальна, а универсальна, ибо посвящает на запечатление универсума: роман исследует запретные zákрома и тайники Вселенной, чтобы привести насквозь грешного человека к внечеловеческому — Божиему, а значит, насущному для всех нас чувству любви.

А, скажете вы, ещё раз про любовь... Но ведь вся история — это любовь. В конце концов, дети, само продолжение человека, — это плоды любви.

Рождение человека сравнимо с рождением мира. Даже если этого человека, безвинную малютку-девочку, рождает девчонка, сама ещё несмышлёныш. Эта символика разгадывается легко: нового человека сотворяет та, что ничего не знает ни о вражде, ни об обиде, ни о кровной мести, ни о смерти. Она лишь чувствует, что живёт.

Рождение — уход. Жизнь — смерть. Свет — мрак. Добро — зло. Красота — уродство. Эти дихотомии не только эстетические категории — они и есть вечные архетипы: на них держится и искусство, и сама жизнь, великая наша и любимая жизнь. Это огромные, гигантские ноты бытия, и Бог играет по ним невероятную симфонию Свою. Именно по этим незримым нотам Светлана Чураева исполняет новорождённый миф: “Сначала исчез самый старший брат. Второй пошёл искать его и тоже пропал. Так один за другим все братья слиняли, и девушка осталась одна. Она пошла к ручью, нашла там камешек, положила за пазуху и — вопреки всем законам природы — родила. Ребёночек вышел тяжёлым, и назван был Каменным Мальчиком. С ним много чего случилось, но главное — дитя обожало охотиться ради забавы. Напрасно мать просила его не превращать охоту в забаву. В итоге все звери решили ему отомстить, началась великая битва, хлынул дождь, бобры навели плотины на реки, началось ужасное наводнение. Мать Каменного Мальчика и все люди погибли. Но сам Каменный Мальчик остался в живых. Тогда звери схватили его, закопали в землю до пояса и вынесли приговор: отныне не ходить по планете. Вот так, зарытый, он живёт до сих пор — смотрите на наши горы”.

Чураева бесстрашно выворачивает бытие наизнанку, чудовищным чулком, по-босховски, чтобы мы через трагический гротеск и реальную боль ясно увидели прямо в лицо любовь. Обращение к самым пугающим и неприглядным сторонам жизни не есть только лишь изображение зла как архетипического объекта, вечной природной и нравственной субстанции. Живопись безобразия удивительно оттеняет вспыхивающую вдруг в тексте красоту. Отсылки к прекрасному становятся невероятным чудом. А что сама вся наша жизнь

в наисветлейшем её проявлении — людской любви, как не чудо посреди ада?

О мифе не скажешь: это не достоверно, так на самом деле не было. Миф на то и миф, чтобы воскликнуть: да, всё именно так и было! Всему — веришь. Всё — правда:

“Яблоки светились перед ней на тарелке, и Сашок предложил уверенно:

— Ешь.

Он не шутил и говорил голосом добрым — по-настоящему. И, как взрослый человек, понимал, что хорошо, а что плохо. И что значит “нельзя”.

— Можно, ешь. Они мытые.

— У меня аллергия.

— На яблоки не может быть аллергии. Тем более на зелёные. На.

Девочка взяла холодное яблоко, уточнила:

— Я не умру?

И съела.

... И с тех пор не могла больше есть обычную пищу. Ела только яблоки — тайно. Обрывала горькие городские ранетки, кланчила у подруг, подбирала падалицу у фруктовых ларьков...”

Яблоки появляются в тексте печальным и светлым лейтмотивом, древним знаком, символом грешного познания. Яблоки вспыхивают, звёздно мерцают в тексте именно потому, что женщина-ребёнок, будущая мать Магдалины, носитель жизни, уже зачала, сама не зная об этом; она носит жизнь, она её родит.

Так в образе яблок сходятся рай и ад, и мы идём по ним — по безумному земному роддому, где на свет появляется Магдалина, по людским жилищам, где бормочут старые пьяницы в жажде новой бутылочки... Но почему всё так обычно? Или это наш родной неутолимый миф? И где граница между мифом и реальностью, между концом и началом мира... Ведь недаром одна из героинь романа, Шура, говорит однажды об Апокалипсисе — прямо, непредвзято: *“конец света... вот что больше всего волнует людей”*.

И конечно же, роман Чураевой — апология Женщины и женственности. Женщина-малышка, женщина-старуха, женщина-невеста, женщина-ребёнок — все грани одна за другой раскрываются нам.

Чураева владеет умением создать цельное произведение-монолит и одновременно любитесь тщательными подробностями: из поля её зрения не исчезают мелочи. Она мастер движения, стремительного повествования, и она умеет застывать в дрящейся, прозрачной медитации. Может шокировать дерзкими деталями, а может интонировать нежно и осторожно, петь слова, как простую песню. Это говорит о многообразии писательской палитры.

Роман Чураевой невероятно современен. И не потому, что в нём присутствует современный антураж — айпады, интернет, самолёты, жизнь огромных каменных мешков, именуемых городами. А потому, что человек часто живёт между жизнью и смертью, и часто он мёртв при жизни, и неведомые гномы его хоронят, а ему всё кажется, он жив, и он задыхается, гневается, ужасается, борется с неотвратимым:

“Шура отчётливо представила: люди — смеются, едят, целуются. По дорогам спешат машины, в домах сияют экраны... Жизнь!

И разглядела, словно из поднебесья, себя — крохотную, лежащую в темноте под огромной горой среди бескрайних лесов.

Заорала:

— Хватит дурью маяться! Кто-нибудь?

Пнула бревно. Вскрикнула. Заколотила руками, ногами, головой по невидимым незыблемым стенам.

Пещерный ужас скрутил её, выжал из крови кислород.

Воздуха не осталось нигде. За этими брёвнами — вакуум, полная пустота. Космос. Нет ни людей, ни машин. Нет света — абсолютно.

Она — на веки веков — одна.

Смерть.

Под горой Инэй и Ырыс слушали шелест воды, слушали движение воздуха. И — дикий, нечеловеческий вой странной твари, пришедшей в их деревню из леса”.

И тем не менее с нами остаётся бесконечность Вселенной. Природы. Радости.

Космос живой с нами остаётся.

И космос романа, воплощающий многообразный и таинственный космос самой жизни.